

Н. Ю. АЛЕКСЕЕВА

ДВА АВТОГРАФА ТРЕДИАКОВСКОГО 1736 ГОДА

История литературы и культуры аннинского времени в последнее время вызывает все больший интерес специалистов разных профилей в России и за рубежом. Обнаружение в архивах не известных ранее материалов, исследование выполненных в 1730-х гг., но весьма редких изданий постепенно проясняют еще не так давно представлявшуюся темной и нестройной картину русской культуры этого периода. Так, изучение академической поэзии 1730-х гг. позволило увидеть в новой, почти неизвестной прежде роли переводчика подносных академических стихотворений и придворной литературы В. К. Тредиаковского. Атрибуция ему перевода оды М. Меттера,¹ описаний фейерверков и панегирика М. Фабри² заметно расширили наше представление о Тредиаковском, поэте-переводчике и реформаторе русского стиха. К ставшим известными в недавнее время переводам Тредиаковского 1730-х гг. можно добавить еще два новых.

1

Первый из них представляет собой перевод цикла стихотворений, посвященных рудокопному делу. Публикация этих шести стихотворений была осуществлена Н. Г. Богдановой в 1934 г. по обнаруженному ею беловому списку в рукописном конволюте «Реляции и журналы и всякие викториальные издания».³ Отсутст-

---

¹ Николаев С. И. О переводе похвальной оды М. Меттера 1737 г. // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20. С. 249—251.

² Алексеева Н. Ю. На пути к реформе стиха. Стихотворные переводы Тредиаковского 1732—1734 годов // Русская литература. 2002. № 4. С. 32—60.

³ Богданова Н. Г. Стихи XVIII века о рудокопном деле // Труды комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932. Т. 1. С. 231—246.

вие подписи под стихами и малая изученность в ту пору литературной культуры аннинского времени послужили причиной того, что публикатор оценил эти стихи как оригинальные и анонимные. И если восприятие стихотворений как анонимных вполне оправдывает отсутствие указания в «Реляции» имени их автора, то оригинальность стихотворений исключена самим характером их версификации.

Все шесть стихотворений делятся на строфы. Членение стиховой речи на строфы делает особенно заметным отсутствие в большей части стихотворного текста рифмы. Однако это небезрифменные стихи: многие из строк срифмованы. На стремление их автора закрепить строки рифмами указывает то, что большая часть рифмованных стихов приходится на первое стихотворение «Марш». По всей видимости, работа начиналась с него и велась с ним тщательнее, чем со следующими стихотворениями, но и с ним не была доведена до конца. То, что эти далеко несовершенные и явно не завершенные стихотворения могли рассматриваться как готовые, о чем свидетельствует парадное их оформление и включение в «Реляцию», как раз и указывает о переводном их характере.

Обнаруженный в СПбФ АРАН белой автограф этих стихотворений с подписью: Василий ТрEDIAКОВСКИЙ⁴ в какой-то мере подтверждает высказанное выше предположение, что эти стихотворения не оригинальные, а переводные. Тексты, опубликованные Н. Г. Богдановой по списку «Реляции», за исключением небольших разночтений, совпадают с беловым автографом.

Отдавая в 1732—1737 гг. стихотворным переводам большую часть своего служебного времени, ТрEDIAКОВСКИЙ относился к ним, как видно из их публикаций, старательно и ответственно. Однако до сих пор известные нам переводы этого периода предназначались для печати и уже этим самым как бы вступали в соревнование с печатным же оригиналом. Шесть стихотворений о рудокопах к печатанию, очевидно, не предназначались. Судя по их неотделанности, а также по тому, что все шесть посвящены одной теме, можно предполагать, что они были рассчитаны на устное их произнесение на празднестве, посвященном рудокопам. Весьма вероятно, что по крайней мере часть из них должна была исполняться под музыку, это предположение подтверждает название первого стихотворения — «Марш». Возможно и то, что на празднике должны были исполняться стихи оригинальные, а русские служили своего рода подстрочником, раздаваемом публике, как во время фейерверков — их описания. Впрочем, в этом случае

---

⁴ СПбФ АРАН, разр. II, оп. 1, № 204, лл. 47—55 об. Указание на него см.: *Николаев С. И.* О переводе похвальной оды М. Меттера 1737 г. // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20. С. 250.

русские стихи, скорее всего, были бы опубликованы, к тому же характер празднеств этой эпохи требовал звучащего многоязычия, придававшего действию большие размах, торжественность и ученость. Не исключено поэтому, что куплеты исполнялись попеременно на языке оригинала и на русском. Так бывало, когда исполняли латинские и русские канты на придворных торжествах Петровского и Елизаветинского времени.

Отсутствие печатного оригинала стихотворений рудокопам и сведений о нем⁵ подтверждает наше предположение о предназначении их лишь к исполнению на празднестве. Возможно, что рукописный экземпляр оригинала обнаружится со временем в архиве Академии наук. Вероятность этого, правда, несколько уменьшает тот факт, что рукописи иностранных стихотворений этого периода в целом сохранились хуже русских переводных. Однако и не имея в своем распоряжении оригинала, мы можем сделать о нем ряд предварительных заключений.

Прежде всего, они касаются языка. Им был, вероятнее всего, язык немецкий. Такой вывод напрашивается потому, что подавляющая часть стихотворений рудокопам имеет строфическое деление. Латинские стихотворения Академии наук были нестрофичны. Более точное происхождение оригинала стихотворений можно установить исходя из характера строф перевода. Их размер в переводе Третьяковского колеблется от 8 до 11 стихов. В оригинале это могла быть 8 или 10-стишная строфа равных стихов, т. е. строфа одическая. Одическая строфа и соответственно сам жанр классицистической (французской) оды был популярен в то время в Саксонии. Благодаря установившейся моде на творчество В. Юнкера, а затем Я. Я. Штелина.⁶ Можно даже считать одическую строфу в Петербурге 1730-х гг. мастерским знаком этих двух поэтов, приехавших из Лейпцига. Таким образом, форма четырех из шести стихотворений позволяет установить и автора оригинала, нам не известного. По всей видимости, автором группы стихотворений о рудокопах был Штелин. В пользу такой заочной и потому, может показаться, чересчур смелой атрибуции свидетельствует ряд дополнительных косвенных фактов литературной жизни Академии наук в эти годы. Но прежде чем перейти к их изложению, следует осветить вопрос о времени создания стихотворений.

Датировать их, причем датировать с большой долей точности, позволяет их тематика и содержание. Стихотворения посвящены прославлению горного дела и связанных с его развитием чаяний

---

⁵ Описание книг, изданным при типографии Императорской Академии наук. СПб., 1738.

⁶ Подробнее об этом см.: *Алексеева Н. Ю.* Петербургский немецкий поэт Г. В. Фр. Юнкер // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 26.

на обогащение Российского государства. Мотив «да умножатся богатые металлы в России» (стихотворение 3, л. 51) варьируется на протяжении всех стихотворений. Прославление горной науки наиболее подробно развернуто в третьем стихотворении, в котором описан весь цикл добывания руды от нахождения с помощью «магнитом натертой иглы», или «магнитной стрелы», или «рудокопного компаса», до разделения руды «маркшейдерским искусством». В нем есть и живое описание труда горняков-чернорабочих; так, «секущий работник», «обессилен, в яму упадет» и оттуда «жалким голосом кричит: Маркшейдер, помоги! Моей мочи нет (...)» Затем, что от духоты людям весьма трудно...» Но уже из содержания первого стихотворения становится ясным, что прославление добычи металла, и горного дела вообще, имело поводом встречу иностранных горняков, приехавших на службу в Россию. Первое стихотворение представляет собой приветствие горнякам:

Ступайте работники с топорами,
Подите штейгеры с молотами.
Сбирайтесь все вместе, веселитесь!
Радость ваша объявляется:
Драгоценная руда открывается,
К чему и вы все скоро соберитесь,
Радуйтесь единогласно, веселитесь!

Второе стихотворение также обращено к «рудокопцам», но уже с побуждением их, «припадши к ногам императрицы», почтить ее с благоговением и «принести ей песни». Третье стихотворение как раз и включает в себе первое приветствие императрицы от лица рудокопов: «Здравствуй, о! императрице...», и рефреном звучит начало всех оставшихся пяти строф: «Прими наше усердное поздравление...» Четвертое стихотворение обращено к музам и, как уже говорилось, рассказывает о горнодобывающей науке и работе. Пятое стихотворение обращено к «рудокопному хору» с призывом радоваться, что «императрица производит» его, а также к императрице с тем же призывом, поскольку «тобою рудокопное дело в совершенство приходит И богатство России явное приносит». И наконец, шестое, заключительное, стихотворение — снова обращение к императрице от лица «призренных» ею «горокопцев».

В третьем стихотворении, в котором рудокопы обращаются к императрице, они говорят:

Тоя милость и милосердие
Нас обрадовала и так увеселила,
Что мы пришли в край Российска предела...

Призвание рудокопов из чужих стран обыгрывается и в других стихотворениях. Однако лишь в одном месте проливается свет на место родины приглашенных рудокопов:

Прочь! Кто рудокопства славного не любит,
А кто к нему склонен, те к нам поспешайте,
В Саксонии или инде, где вы не живете,
<...> Присылкой вспоможения своего не поздайте...

На основании третьей строки из третьей процитированной строфы первого стихотворения можно заключить, что рудокопы прибыли из Саксонии.

Действительно, в 1736 г. в Россию из Саксонии приехал Курт Шенберг. В русских документах имя его варьируется: его называли и Шенберг, и Шемберг.⁷ С санкции Э. Бирона Шенберг был сразу назначен директором только что реорганизованной в Берг-директориум бывшей Бергколлегии, и ведению его были вверены горные заводы Урала. Он сумел так повести дело, что благодаря связям и покровительству Бирона в 1738 г. эти государственные заводы были отданы ему в личную собственность. Уже в новое царствование стоило большого труда и денег, чтобы избавиться от услуг Шенберга. В 1743 г. П. И. Шувалов снова выкупил заводы в казну, и Шенберг уехал на родину.

Но это было позднее, а в 1736 г. его приезду, по-видимому, придавалось большое значение, которое могло быть связано уже тогда с участием в его судьбе Бирона. О приезде Шенберга в Россию газеты не сообщали, но в номере «Петербургских ведомостей» от 20 мая 1736 г. помещено известие об отбытии из Риги в Петербург «саксонского камергера и обер-берг-гауптмана господина фон Шененберга» и состоящих при нем «40 человек рудокопных служителей».⁸ Таким образом, Шенберг со своей командой мог прибыть в Петербург в последних числах мая или в самом начале июня. Академические стихотворения о рудокопах должны были предназначаться для этой встречи. На то, что стихотворения рудокопам относятся к 1736 г., указывают упоминания в них недавно начавшейся русско-турецкой войны. Например: «От неприятеля ты многую добычь присовокупила; Анне желаем, чтобы от рудокопов большую получила». Лето 1736 г. было временем побед русского оружия в новой войне и, судя по фейерверкам и одам, временем особенного военного энтузиазма.

⁷ Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1886. Т. 2. С. 354, 378, 381.

⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1736. № 104. С. 96. Н. Г. Богданова также датирует эти стихотворения летом 1736 г. на основании своих, в целом верных, построений. (Богданова Н. Г. Стихи XVIII века о рудокопном деле. С. 236).

В связи со стихами о рудокопах полезно вспомнить, что весной 1736 г. шли переговоры о посылке русских студентов, среди которых был М. В. Ломоносов, в Германию для обучения горному делу. Преобразование Бергколлегии, приглашение иностранных специалистов и обучение русских за границей геологии — звенья одной цепи, свидетельствующие о желании русского правительства повысить уровень горнодобывающей промышленности. Состоялся ли праздник, к которому готовились стихотворения, неизвестно. В документах Академии наук сведений о нем не удалось обнаружить, в «Петербургских ведомостях» он не упоминается. Но если праздник все же был устроен, что вполне вероятно, то на нем несомненно присутствовал молодой Ломоносов, томившийся летом 1736 г. в Петербурге в ожидании отъезда. Тогда он должен был слышать стихотворные панегирики Плутону: «У вас перед ногами лежит Плутон с царством...» Но в любом случае стихи Ломоносова из оды 1747 г., где прославляется Плутон и значение горного дела,⁹ благодаря этим стихотворениям о рудокопах получают иное освещение, и принятая оценка их как смелых и прозорливо индустриальных требует уточнения. Добавим к этому, что в XVIII веке горное дело и рудокобы нередко становились предметом поэзии, о них писали, например, в Германии — Ф. Клопшток, в России — Г. Р. Державин. По-видимому, развивающаяся в этом веке горная промышленность и сравнительно легкое открывшееся с нею обогащение казны, а также труд людей, спускающихся во «глубину руд», и сама мысль о новой возможности проникнуть в недра земли казались поэтической, в более позднем значении слова романтической темой.

Как уже говорилось выше, автором стихотворений рудокопам был Я. Штелин. Как раз в 1736 г. настало время завоевания им Парнаса Петербургской Академии наук. Приглашенный в Академию летом 1735 г., он первые месяцы своей жизни в русской столице по неизвестной нам причине не допускался к стихотворному творчеству. Первые его оды появляются лишь в январе 1736 г., а затем первые победы русских в турецкой войне предоставили по-

9

И се Минерва ударяет
В верхи Рифейски копием,
Сребро и злато истекает
Во всем наследии твоём.
Плутон в расселинах мятется,
Что Россам в руки предается
Драгой его металл из гор,
Который там натура скрыла,
От блеску дневнаго светила
Он мрачный отвращает взор.

(Ломоносов М В Полн собр соч Т 8
Поэзия Ораторская проза Надписи М,
Л, 1959 С 205)

вод для изъявления восторга в его одах лета 1736 г. В этот год он стал признанным поэтом Академии, за что получил в сентябре следующего, 1737 г., звание профессора элоквенции.¹⁰ Поскольку Юнкер в это время в Петербурге отсутствовал, сомнений в авторстве Штелина почти не возникает.

Очевидно, что перевод делался ТрEDIAKовским наспех, — подавляющая часть строк переведена не стихами, хотя в отдельных местах прорывается рифма и ритм. Среди таких стиховых мест самое большое обнимает семь строк первой строфы первого стихотворения «Марш», написанного в одической форме, но без соблюдения в переводе равного объема строф. Стиховых мест более всего в этом первом «Марше», в нем на 72 строки 27 стихов, т. е. более трети. В четыре короткие строфы второго стихотворения вплетены три двустишия. В третьем — 10 двустиший приходится на шести, в оригинале, по-видимому, на 12-стишных строф. В четвертом нет ни одного, в пятом — два двустишия, и в последнем, шестом, — одно заключительное двустишие. Перевод стихотворений о рудокопах, осуществляемый ТрEDIAKовским наскоро, предоставляет уникальную возможность заглянуть в стиховую мастерскую поэта, провозгласившего недавно новый силлабо-тонический стих.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что ни в одном месте (стиховом и нестиховом) этих шести стихотворений нет силлабической меры. В написанных наспех стихах, неуклюжих и неровных, с особой очевидностью обнаруживается ненастроенность уха ТрEDIAKовского на ритм русской силлабики. Силлабический строй русского стиха, по крайней мере в момент работы над стихотворениями о рудокопах, т. е. предположительно в конце мая—июне 1736 г., уже не естественная для ТрEDIAKовского система стиха, от которой почему-либо надо отталкиваться. Силлабического строя для него просто не существует, он совершенно не слышит и в рифмованных, и в нерифмованных местах своих переводов силлабического ритма. Не слышит и силлабо-тонического.

Исходя из этих переводных опытов ТрEDIAKовского, можно сделать предположение, что самым простым, самым естественным и доступным из русских метров был для него в этот период, как для всякого, неискушенного чтением стихов, русский говорной стих, т. е. стих без определенной силлабической или тонической меры, скрепляемый лишь рифмами в конце строк. Таким же стихом написано и приветствие к новобрачным кн. Голицыным. После знакомства с переводами ТрEDIAKовского стихотворений рудокопам можно думать, что форма стихотворного приветствия к свадьбе шутов была выбрана поэтом не из ерничества и шутовства, а от недостатка времени и желания написать правильные стихи.

---

¹⁰ Пекарский П. История имп. Академии наук. СПб., 1860. Т. 1. С. 540.

Следующее по времени переводное стихотворение ТрEDIAКОВСКОГО хранится в портфелях Миллера в РГАДА.¹¹ Оно помещено на одном листе вместе со своим латинским оригиналом, принадлежащим перу Хр. Гольдбаха. И латинский, и русский варианты представляют собой подписанные автографы.

IN THEMA GENETHLIACUM ET SERENISSIMAE
IMPERATRICES ANNA AUGUSTAE IN FIRMICE CAMERAE,
QUA GLOBUS GOTTORPIENSIS REPOSITUS EST, DEPINGENDUM

Stellatum his radiis coelum decoraverat horam
Principium vitae quae fuit, Anna, tuae
Huc oculos adducte cohors praesaga futuri,
Protinus aut famae fortunae signa videbis,
Aut, vel ab his stellis, ars tua victa cadet,
In sequere errantem vastum per inane cateruam,
Numine quando regi nos proprio iunat;
Scilicet Augustae nobis promittere quidquam
Dulcius impetio fibra nulla queunt.

C. G.

Adjeceta est versia Russica
Basilie Trediakowski.

НАДПИСАНИЕ
НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЕ ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШИЯ
И АВГУСТЕЙШИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ВНУТРИ КАМЕРЫ,
В КОТОРОЙ ГЛОБУС ГОТТОРПИЕНСКИЙ СТОИТ

Небо звезд лучами час, сими украсило,
Жизни начало твоей, Анна, вонь же было.
Провещатели, сюда зрите, астрологи,
Что на небе всем судьбам ищите дороги:
Узрите или весьма счастливы зде знаки,
Тех или звезд победят многи ум ваш мраки;
По всему пространству неб следуйте очами.
Правимым нам лучше быть Бога всех судьбами.
Анниной державы нам звезды никакие
Счастливейшие подать не могут другие.

¹¹ РГАДА, д. 199, л. 21—22.

Эта 10-стишная надпись, как значится в латинском к ней названии, назначалась для изображения ее «красками» в помещении, где находился Готторпиенский глобус. В заглавии надписи указано также, что она посвящена дню рождению императрицы Анны Иоанновны. Год не указан. Такая надпись могла быть сделана для украшения Академии ввиду какого-нибудь важного посещения, возможно даже высочайшего. Так, в январе 1732 г., когда только что въехавшая в Петербург императрица изволила посетить Академию, вся она была украшена подобными надписями и аллегорическими картинами.¹² О высочайшем посещении 1737 г. сведений в «Санкт-Петербургских ведомостях» нет. Между тем стихи несомненно относятся к 1737 г. В надписи обыгрывается то же противопоставление астрологии Божьему Промыслу, что и в подносном стихотворении Я. Штелина на день рождения императрицы Анны 1737 г. Причем в русском переводе благодаря Третьяковскому, переводившему и панегирик Штелина, соответствующие строки близки по своему звучанию:

Провещатели сюда зрите Астрологи,
Что на небе всем судьбам ищите дороги...
(Надписание)

Провещатели странам всех благополучий,
Вы, которы по звездам умеете знати,
Сорок от четырех лет кой звезд был порядок,
Если б примечать с того счастье России?¹³

Очевидно, что и строки Гольдбаха, и строки Штелина имеют в виду один повод, связанный с непогрешимостью астрологических предсказаний. Событие это остается нам неизвестным. Возможно, поэты подразумевали какое-нибудь событие из жизни Анны Иоанновны осени 1736 г.: известно, что императрица питала слабость к астрологии, и у нее мог быть случай в ней усомниться. В панегирике Штелина астрологическая тема развернута подробнее, и исходя из его стихотворения можно думать, что об астрологах вспомнили в связи с ложностью их предсказаний в момент рождения будущей императрицы:

Покажите скоро нам, то ли несло время
Обилие таково всех благополучий,
Что Россия зрит теперь? Там не видно ль было,

¹² Примечания на Санкт-Петербургские ведомости. 1732. № 34. С. 137.

¹³ В торжественнейший день рождения (...) государыни Анны Иоанновны (...) всеподданнейшее свое поздравление полагает Академия наук. Генваря 28 дня 1737 года. Печ. при Имп. Академии наук. С. [1].

Что преславная Жена на трон взойдет Российский?
Что вам времени просить? Всуе искать прошлых?
Основание в вещах должно вам искати...
{...} Что вам есть, о, что в звездах? Лучше землю зрите:
Способом скоряе сим можно ответ дати...

Тематическая перекличка панегирика и надписи, посвященных одному и тому же событию, может помочь дальнейшему изучению окказиональной поэзии, в частности прояснению вопроса о характерных для нее общих местах. Гольдбах и Штелин, работавшие в то время вместе над проектами иллюминаций, могли заимствовать друг у друга панегирические темы. Это предположение подтверждает отсутствие астрологической темы в третьем панегирике, посвященном тому же дню рождения императрицы. Ни в описании иллюминации, ни в открывающей ее оде, автором которых, по желанию самой императрицы, был ненадолго прибывший в Петербург В. Юнкер,¹⁴ астрологическая тема не затрагивается.¹⁵

Переводы Трелиаковского 1736 г. (перевод надписи к глобусу делался несомненно заранее, в декабре 1736 г.) подтверждают предположение, что одной из важных сфер деятельности поэта в Академии до зимы 1738 г. были переводы подносных стихотворений.¹⁶ Однако, если о переводах од и стихотворений из описаний иллюминации Юнкера и Штелина мы можем за отсутствием автографов судить лишь по более или менее косвенным данным, переводы стихотворений о рудокопах и надписи Гольдбаха являются непреложным фактом того, что Трелиаковский занимался стихотворными переводами. Очевидно, что он выполнял как парадные переводы — надпись к глобусу, так и более будничные — стихотворения рудокопам и был в этот период своего рода штатным русским поэтом-переводчиком Академии наук.

---

¹⁴ Материалы для истории имп. Академии наук. Т. 2. С. 67.

¹⁵ Kurtze Erklaerung des Lust-Feurs welches den 28sten Januarii 1737 {...} vorgestellt worden. [SPb., 1737].

¹⁶ Подробнее об этом см.: *Алексеева Н. Ю.* На пути к реформе стиха. Стихотворные переводы Трелиаковского 1732—1734 годов.